

Русская профессура на рубеже XIX–XX веков

Анатолий Иванов, Ирина Кулакова

Профессионализация интеллектуального труда с начала XIX в. способствовала формированию особой «субкультуры» российской научной элиты, со своей идентичностью и достаточно высоким статусом. На рубеже XIX–XX вв. ценность труда преподавателей высшей школы заметно возросла, как и их численность (1899 г. – около 2.5 тыс. человек, а в 1914 г. – уже около 4.5 тыс.). К февралю 1917 г. в России действовали 124 высших учебных заведений, включая 11 университетов, 19 инженерных и 15 сельскохозяйственных институтов, 8 военных и военно-морских академий и высших училищ, 5 духовных академий (включая католическую) и т.д. В 1913 г. в них обучалось более 120 тыс. студентов¹.

В официальном делопроизводстве дооктябрьской России педагогический корпус высшей школы подразделялся на профессоров и младших преподавателей (доценты, адъюнкты, приват-доценты, лекторы, лаборанты, прозекторы и др.), что отражало их различия не столько в научно-педагогических функциях, которые нередко были схожи, сколько в номенклатурно-правовом статусе. Первые занимали кафедры, были членами учёных советов, деканами факультетов и проч., вторые – только преподавателями. В общественном же сознании конца XIX – начала XX в. под понятием «профессор» подразумевался всякий, кто профессионально занимался наукой и её преподаванием.

Профессорский корпус представлял собой элитную профессиональную группу, вобравшую в себя представителей различных областей и направлений фундаментального и прикладного научного знания, и образовавшую профессорские династии (Арбузовых, Вернадских, Зёрновых, Ляпуновых, Орбели, Победоносцевых, Рубинштейнов, Семёновых-Тян-Шанских, Струве, Трубецких, Фортунатовых и др.).

По своему гражданскому статусу профессура относилась к привилегированной части российских интеллектуалов. Высшие учебные заведения в царской России были учреждениями имперскими. Профессора состояли на государственной службе, получая казённое содержание, занимая не последнее место в чиновничьей и сословной иерархии. По уставу 1884 г. профессора университетов ко времени полной выслуги (25 лет) достигали генеральских чинов (V класс), значительная их часть производилась в действительные статские советники (IV класс), а немногие избранные поднимались даже до ранга тайного советника (III класс). Социальный состав являлся полисословным и, судя по «послужным спискам» преподавателей 19 высших учебных заведений Мини-

© 2013 г. А.Е. Иванов, И.П. Кулакова

В статье использованы результаты, полученные в ходе работы над проектом «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения» в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

¹ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 208.

стерства народного просвещения за 1917 г.², неуклонно демократизировался. Примерно треть преподававших в университетах и четверть – в народнохозяйственных институтах происходили из потомственно-дворянских семей. Среди таковых были даже потомки древних дворянских родов (впрочем, научную стезю избирали только те из них, для кого наука и преподавание представлялись особым способом самореализации). Определённую часть профессоров, особенно в университетах, традиционно составляли выходцы из духовного сословия. Около 50% состава профессорско-преподавательского корпуса представляли собой конгломерат лиц, происходивших из средних и низших слоёв российского общества – представителей разночинско-чиновничьей среды, предпринимательского мира, мещан, крестьян, казаков и прочих.

Университетские преподаватели играли ведущую роль в проведении фундаментальных исследований и формировании научных школ. В 1914 г. профессора составляли 87% действительных членов Академии наук³. С конца XIX в. по февраль 1917 г. в высших учебных заведениях было подготовлено более 150 тыс. специалистов⁴. Воспроизводство научных кадров было важнейшей миссией профессорской корпорации. Между тем университетской системе в начале XX в. грозил глубокий кризис; по словам профессора Московского университета В.И. Вернадского, она не могла должным образом «приспосабливаться к тем внешним рамкам жизни, какие сейчас господствуют в стране»⁵.

Если в России имелось 11 университетов (и только два из них – Саратовский и Пермский – возникли в начале XX в.), то в Германии в 1912 г. их насчитывалось 32, в Италии – 28, во Франции – 27, в Великобритании – 18⁶. «Министерство старательно не допускает создания новых университетов, – сетовал В.И. Вернадский. – Государственной думе оно отказало внести законопроект об открытии физико-математического факультета в Томском университете, т.к. не видит достаточного количества сибиряков в числе студентов физико-математических факультетов других университетов. Саратовскому земству оно отказывает в открытии физико-математического факультета в Саратовском университете, т.к. в стране нет достаточно подготовленного для этого преподавательского персонала. Ярославскому земству оно отказывает в открытии университета в Вологде по материальным соображениям. Напрасны были попытки представителей других городов – Вильны, Минска – добиться создания новых университетов или, по крайней мере, факультетов»⁷.

Серьёзной проблемой было то, что правительство не осознавало нужды в развитии фундаментальной науки. «Создание в стране высшего образования с резким преобладанием специальных высших школ над университетами... не имеет прецедента ни в одной стране», – писал В.И. Вернадский в 1914 г.⁸ Архаичной оставалась и организационная (четырёхфакультетная) структура российских императорских университетов (при том, что и штатные факультеты наличествовали не во всех университетах). Должного правительственного внимания не удостоилась и настоятельная рекомендация научной и деловой

² Рассмотрено 936 послужных списков. – *А.И.*

³ *Кравец Т.П.* От Ньютона до Вавилова. Очерки и воспоминания. Л., 1967. С. 200.

⁴ *Иванов А.Е.* Высшая школа России... С. 319–320.

⁵ *Вернадский В.И.* Письма о высшем образовании в России. М., 1913. С. 8.

⁶ РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 526, л. 72 об. – 73.

⁷ *Вернадский В.И.* Высшая школа в России // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. СПб., 1914. С. 310.

⁸ Там же. С. 310–311.

общественности последовать европейскому примеру и включить в университетскую структуру народнохозяйственные факультеты, которые были широко распространены в Германии (агрономические, лесные), Великобритании (инженерные), Франции (агрономические и инженерные), Италии, Бельгии, Венгрии⁹.

Своё отношение к учреждению новых высших учебных заведений Николай II сформулировал 2 апреля 1912 г.: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а ещё больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, что с неё вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее указание»¹⁰. Лишь 13 июня 1916 г. либеральный министр народного просвещения гр. П.Н. Игнатьев попытался преодолеть царский запрет на дальнейшее развитие университетской системы. «Ведомством разрабатываются проекты планомерного открытия соответствующих учебных заведений..., – докладывал он императору. – Изучая далее вопрос, в какой области государственной и общественной деятельности больше всего ощущается недостаток в лицах с соответствующим высшим образованием, я встретился с явлением, которое грозит затормозить не только общий рост народного образования, но и может послужить препятствием к широкому развитию профессиональных знаний. Явление это заключается в быстро растущем некомплекте преподавателей общеобразовательных предметов в средних учебных заведениях, одинаково необходимых как для общеобразовательной, так и для профессиональной средней школы... Подготовка преподавателей этих предметов, как-то математики, физики, химии, географии, русского языка, истории и древних языков, производится главным образом на физико-математическом и историко-филологическом факультетах. Эти же факультеты являются и рассадниками учёных сил для высшей школы, а физико-математические факультеты, сверх того, готовят столь необходимых нам химиков и учёных агрономов. Отсюда возникает неотложная необходимость в увеличении физико-математического и историко-филологического факультетов... Нельзя упускать из виду, что вся техника, все прикладные науки и профессии покоятся на данных чистой науки, которая разрабатывается именно в факультетах. Поэтому и основные кафедры всех высших учебных заведений должны питаться силами, даваемыми факультетами, а следовательно, и развитие высших технических знаний также неразрывно связано с параллельным ростом высших учебных заведений, культивирующих науку». Министр считал необходимым открыть недостающие факультеты в Томском и Саратовском университетах, а затем основать новые университеты в Ростове-на-Дону и Перми, «на устройство которых город и земство ассигнуют столь крупные суммы, что первоначальное устройство их не потребует никаких затрат из сумм Государственного казначейства»¹¹.

30 июня 1916 г. Николай II утвердил доклад гр. Игнатьева, сопроводив его резолюцией: «Согласен. Весьма полезно было бы учреждать университеты и другие высшие учебные заведения, по примеру Англии, в менее крупных городах»¹². Таким образом, запрет на открытие новых университетов был отменён, однако время было упущено. Министерство народного просвещения пыталось

⁹ Там же.

¹⁰ РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 561, л. 93.

¹¹ Там же, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 590–593.

¹² Там же.

ускорить разработку плана развития университетской сети – был создан Совет по делам высших учебных заведений, предполагалось открыть новые университеты в Самаре, Ярославле (на основе Демидовского юридического лицея), Воронеже (или Тамбове), Екатеринославле (или Симферополе, Керчи), Вильне (либо Могилёве, Смоленске, Минске), Владивостоке, Ташкенте. Однако завершить эту работу не удалось из-за последовавшей вскоре отставки гр. П.Н. Игнатьева.

В этих коллизиях объективировалась исторически сложившаяся российская традиция, предопределившая зависимость университета от государства. Как отмечал В.И. Вернадский, «вся научная творческая работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в. была связана прямо или косвенно с государственной организацией: она или вызывалась сознательно государственными потребностями, или находила себе место, неожиданно для правительства и нередко вопреки его желанию, в создаваемых им или поддерживаемых им для других целей предприятиях, организациях, профессиях»¹³. Императорские университеты готовили юристов, преподавателей средней школы и врачей, поступавших в основном на государственную службу, пополняли дипломированными специалистами корпус чиновников. Немалая часть их выпускников оседала также в земствах и органах городского самоуправления.

Но и сами профессора вовлекались в сферу высшего государственного управления, в условиях ускорения социально-экономического развития страны всё более нуждавшегося в специалистах высшей научной квалификации. Так, в 1881–1892 гг. пост министра финансов поочерёдно занимали профессор политической экономии Киевского университета Н.Х. Бунге (в 1887–1895 гг. являвшийся председателем Комитета министров) и профессор механики Петербургского технологического института И.А. Вышнеградский. Министрами народного просвещения были профессора-правоведы Н.П. Боголепов (1898–1901) и Л.А. Кассо (1910–1914), филологи-классики Г.Э. Зенгер (1903–1905) и А.Н. Шварц (1908–1910). После учреждения в 1882 г. фабричной инспекции её возглавил в Московском округе (Московская, Тверская, Смоленская, Тульская, Рязанская и Калужская губернии) профессор И.И. Янжул, известный своими научными и публицистическими трудами по политической экономии¹⁴. Его ученик И.Х. Озеров в 1909–1917 гг. был членом Государственного совета от Академии наук и университетов, а также участвовал в деятельности многочисленных официальных комиссий. Критикуя правительство за недостаточно активную финансовую политику, он призывал к более решительному поощрению развития производительных сил страны со стороны государства и за счёт внешних займов¹⁵.

Профессора нередко приглашались для аналитической работы в различных правительственных комитетах и комиссиях. Так, в качестве экспертов по «рабочему вопросу» с С.В. Зубатовым сотрудничали профессора-экономисты И.Х. Озеров, В.Э. Ден, А.Э. Вормс¹⁶. Профессор А.И. Чупров, заслуживший авторитет своими фундаментальными трудами о железнодорожном хозяйстве,

¹³ Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

¹⁴ См., в частности: Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1890.

¹⁵ Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX в. // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 186–187.

¹⁶ Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 61.

был привлечён к участию в деятельности комиссии гр. Э.Т. Баранова по исследованию железнодорожного дела в России и к разработке «Общего устава российских железных дорог». Чупров работал также в комиссии В.К. Плеве, изучавшей причины падения цен на сельскохозяйственные продукты¹⁷.

Развитие университетской науки делало всё более значимыми и прикладные исследования, в которые, как известно, внесли значительный вклад такие профессора-естествоиспытатели и медики, как К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, И.И. Мечников, Г.А. Захарьин и др. На рубеже XIX–XX вв. началась новая эпоха в истории естественных наук. Профессор Мюнхенского университета Рамани в 1901 г. советовал коллегам-почвоведом: «Придётся учиться русскому языку тем почвоведом, которые бы хотели стоять на современном научном уровне. Только благодаря русским почвоведом почвоведение превратилось в обнимающую весь земной шар науку»¹⁸.

Рост российской экономики в конце XIX в. и в 1909–1913 гг. существенно продвинул модернизацию страны, требовавшую внедрения новейших достижений науки в производственную сферу. Прикладные темы, позволявшие совмещать теорию с практической работой, втягивали профессоров в сферу капиталистической деятельности. Например, Д.И. Менделеев оказал неоценимые услуги нефтяной промышленности и промышленному развитию России в целом не только научной экспертизой, но и заботой о привлечении новых капиталовложений. «Мои, так сказать, теоретические усилия начались с настойчивой пропаганды в пользу возможности развития – при определённых условиях – выработки бакинской нефти в эпоху, когда к нам ввозились миллионы пудов американского керосина..., – вспоминал он о своём сотрудничестве в 1870-е гг. с бакинскими нефтепромышленниками. – Мой голос в своё время слышали в сферах как административных, так и предпринимательских. Последним я много помогал не только советом, но и на практике, хотя всегда отказывался от принятия участия в выгодах, так как... мои мысли не ограничивались узкими рамками отдельного предприятия, хотя бы Кокорева или Губонина, Рогозина или Нобеля, куда меня в своё время старались привлечь»¹⁹.

Возможность «зарабатывать наукой», практически применять научные разработки и улучшить своё финансовое положение означала для российских профессоров желанную независимость от государства. В своё время ещё М.В. Ломоносов, основав стекольную мануфактуру, стремился материально обеспечить себя с помощью интеллектуального труда²⁰. Во второй половине XIX в. начали появляться и «профессора-дельцы» (определение Г.И. Щетининой), непосредственно участвовавшие в «выгодах» капиталистического предпринимательства. В Московском университете профессора Г.А. Захарьин и А.И. Чупров являлись держателями акций Рязанской железной дороги. Профессор политической экономии И.К. Бабст состоял директором Купеческого банка. В состав учредителей Московского промышленного банка входили профессор минералогии и геодезии Г.Е. Шуровский и профессор зоологии А.П. Богданов.

¹⁷ Дудина Л.А. Экономические взгляды Александра Ивановича Чупрова. Дис. ... канд. экон. наук. М., 1998.

¹⁸ Ломакина Н.Т. Теории русской аграрной экономики (XVIII–XIX вв.) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв. Проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007. С. 185.

¹⁹ Цит. по: Развитие естествознания в России. М., 1977. С. 25.

²⁰ Кулакова И.П. Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 26–28.

Коммерческой деятельностью занимались профессора политической экономии М.Я. Герценштейн и И.М. Гольдштейн, а также Озеров и Янжул²¹. Читая лекции в Московском и Петербургском университетах и других учебных заведениях, Озеров был председателем совета Центрального банка Общества взаимного кредита, членом правления Русско-Азиатского банка, акционерного общества «Лензолото». Профессор Петербургского института путей сообщения, известный мостостроитель М.А. Белелюбский принимал активное участие в работе промышленных «Временных совещаний», затем «Съездов русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу», будучи вице-председателем, а затем председателем их бюро.

Среди учёных, интегрированных в капиталистическое предпринимательство, были видные теоретики и апологеты «культурного капитализма». В начале XX в. с особой настойчивостью эти идеи отстаивал И.Х. Озеров, обосновавший необходимость «свободного от тяжёлой опеки» государства развития в России промышленных монополий и «банковских концентраций», создания «разветвлённой нервной стальной системы» железных дорог. Только тогда, полагал учёный, возможно создание индустриального общества, готового к конституционным преобразованиям. При этом российским «рыцарям первоначального накопления» Озеров противопоставлял «новый тип предпринимателя на американский лад»²². Однако большинство его коллег не видели в концепции «культурного предпринимательства» ничего, кроме стремления, по ироническому выражению самого Озерова, поощрять «развитие разбойничьих шаек». Так, профессор Петербургского горного института Л.И. Лутугин, отвечая на многочисленные предложения войти в состав правлений угольных предприятий, отшучивался: «Нет, уж увольте, жить мне осталось недолго, наворовать я много не успею, а некролог себе испорчу»²³.

Двойственное общественное положение профессора, сочетание чиновничьего статуса с принадлежностью к слою профессионалов, зарабатывающих на жизнь своим «ремеслом», предопределяло идейную поляризацию людей науки. Первооснову достижения Россией экономического, социального и культурного процветания большая часть профессуры видела в эволюции самодержавия в правовое государство. Данное убеждение было сердцевиной либеральных умонастроений, вообще преобладавших среди преподавателей высшей школы. Однако часть идейно продвинутых представителей профессорской корпорации всё более настойчиво пыталась обрести финансовую независимость и реализовать себя в предпринимательской деятельности.

Основной сферой самореализации для профессоров оставалась всё же их университетская деятельность. Рассматривая науку как важный инструмент преобразования России, профессора считали себя вправе осуществлять контроль над академической сферой. По мнению В.И. Вернадского, либерализм профессуры опирался на её профессиональные навыки. «Научная работа, — утверждал он, — развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает *свободного человека*, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству»²⁴.

²¹ Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета. М., 1934. С. 99–101.

²² Щетинина Г.И. И.Х. Озеров и его воспоминания // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 236, 240–243.

²³ Выдающиеся учёные Горного института. М., 1954. С. 57.

²⁴ Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры // он же. Публицисти-

Важнейшим фактором становления политического мировоззрения деятелей высшей школы стала борьба за академическую автономию, под которой подразумевалось самоуправление профессорских коллегий, выборность всех должностных лиц высших учебных заведений – от профессора до ректора, свобода от административной регламентации науки и преподавания. Либеральная профессура буквально фетишизировала автономный университет, уподобляя его крепости, за стенами которой могла укрыться от самодержавно-бюрократических притеснений свобода собраний, гражданского волеизъявления, слова, печати. Этим представлениям в целом отвечал университетский устав 1863 г., сокрушённый контрреформой 1884 г. Последовавшая затем академическая реакция, хотя и деморализовала либеральную профессуру, но не изменила её оппозиционных настроений. Напротив, на рубеже XIX–XX вв. они приобрели более радикальную окраску. «Академическая свобода не совместима с государственным строем России, – провозглашалось в опубликованной 20 января 1905 г. “Записке о нуждах просвещения”, которую первоначально подписали 16 академиков, 125 профессоров и 201 приват-доцент, в том числе К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, А.Н. Бекетов, И.П. Павлов, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов. – Для достижения её недостаточны поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование»²⁵.

События 1905 г. внесли существенные коррективы в судьбы целого поколения профессоров, многие крупные учёные втянулись в политическую борьбу, видя в ней новое средство влияния на социальную действительность. Определённая часть демократически настроенной профессуры стала рассматривать политику как сферу творческой деятельности. Наиболее яркими её представителями были М.М. Ковалевский и П.Н. Милюков, ставший лидером Конституционно-демократической партии, которую в обществе именовали «профессорской» (в составе её первого ЦК было 22 представителя науки (40.7%)).

Часть либеральных профессоров примкнула к Партии демократических реформ (Н.А. Меншуткин и А.С. Посников), которой руководил М.М. Ковалевский. Другие поддерживали Партию мирного обновления (кн. Е.Н. Трубецкой) или Союз 17 октября (В.И. Герье и С.Ф. Платонов). Собственно партийная деятельность представителей академического сообщества складывалась по-разному. Так, А.А. Кизеветтер, один из лучших учеников В.О. Ключевского, готовившийся к преподавательской и научной работе, в которой, по собственному признанию, видел главный смысл своей жизни, в 1905 г. стал активистом партии «Народной свободы». В ходе выборов во II Государственную думу им совместно с В.А. Маклаковым даже было создано своего рода пособие для кадетских ораторов, получившее название «кизеветтеровского катехизиса». После 1907 г. Кизеветтер отошёл от политики, вновь погрузившись в исторические исследования, но в 1917 г. ему опять пришлось вернуться к борьбе за парламентскую республику²⁶.

Либеральному большинству профессорской корпорации противостояло консервативное меньшинство, видевшее в государстве единственного гаранта своих служебных привилегий и прав. Его политическое кредо ёмко сформули-

ческие статьи. М., 1995. С. 189.

²⁵ Наши дни. 1905. 19 января.

²⁶ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв. Т. V. М., 1994. С. 338–340.

ровал в 1884 г. ректор Петербургского университета И.Е. Андриевский: «Уважение порядка и власти»²⁷. «Власть существует для того, чтобы ей повиноваться, а не бороться с нею, — настаивал несколько десятилетий спустя, в 1916 г., профессор русской истории Московского университета М.М. Богословский, — если этого не признавать, если смотреть на “власть” как на мишень для нанесения ей ударов, то далеки ли мы до анархии?»²⁸.

Государство, видевшее в профессоре прежде всего чиновника, желало найти в нём союзника в борьбе со студенческими беспорядками. Между тем само правительство и проводимая им академическая политика способствовали преобладанию в учёной среде либерально-оппозиционных настроений. Существование отношений между бюрократией и «учёным сословием» предельно точно сформулировал в 1887 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою учёность, действует на умы молодёжи растлевающим образом»²⁹. Этой резолюцией сопровождалось увольнение блестящего профессора конституционного права М.М. Ковалевского, который вынужден был уехать за границу, где впоследствии несколько лет преподавал в крупнейших университетах Европы. «Я привык думать, что моя кафедра была учреждена... для того, чтобы готовить россиян к конституции, и я добросовестно исполнял принятое на себя обязательство», — объяснял Ковалевский причину своего удаления из Московского университета «за убеждения»³⁰.

Жертвуя интересами науки, государство не раз выдворяло из высших учебных заведений профессоров, заподозренных в подрыве устоев или просто возражавших против установленных академических порядков. Среди них оказались такие учёные, как Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, Ф.Ф. Эрисман, видные историки Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, С.А. Муромцев и многие другие. Для каждого из них это стало величайшим потрясением. «Всякому понятно положение человека, внезапно лишившегося средств существования..., — утверждал Тимирязев, — но не всякий может оценить, чего лишает себя учёный не по мундиру только, который он носит, а по призванию, когда лишает себя обстановки, без которой немыслима его деятельность»³¹. Характеризуя это «унизительное положение» В.И. Вернадский писал: «Русский профессор находится под особым полицейским надзором. Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное им слово могут вызвать и не раз вызывали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление его научной работы. Если профессор не вошёл в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, вся его жизнь может пройти в душных тисках специального полицейского надзора;

²⁷ Вересаев В. Воспоминания. М., 1936. С. 214.

²⁸ Цит. по: Черепнин Л.В. Академик Михаил Михайлович Богословский // Исторические записки. Т. 93. М., 1974. С. 245–246.

²⁹ Сватиков С. Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 42.

³⁰ Цит. по: Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. М., 2008. С. 107–108.

³¹ Тимирязев К.А. Наука и демократия. М., 1968. С. 50.

он не может быть уверен, что по произволу администрации и по не известным причинам он в один день не будет устранён от дорогой ему деятельности»³².

Для большинства профессоров занятие наукой было делом жизни, позволявшим к тому же уйти от неприглядных реалий самодержавной России. «Как хорошо, – говаривал П.Н. Лебедев, – от окружающей пошлости и грязи уходить в науку, в область “чистого эфира”»³³. Дорожа своей профессиональной деятельностью, профессора вынуждены были мириться с неблагоприятными условиями академической повседневности. «Конечно, приятно было бы уйти отсюда, – писал в августе 1899 г. Вернадский жене, размышляя о тягостной обстановке в Московском университете, – но бросать самому научную работу в избранной области для меня очень тяжёлая жертва»³⁴.

Однако всё меньше профессоров было готово идти на компромисс с властью. В январе–феврале 1911 г. административно-полицейский произвол, ставший с 1908 г. в учебном ведомстве нормой, вызвал известную академическую забастовку профессоров и преподавателей Московского университета, демонстративно подавших прошения об отставке. Все они (131 человек) были удовлетворены министром народного просвещения Л.А. Кассо³⁵. Сходная ситуация тогда же сложилась в Новочеркасском политехническом институте, находившемся в ведении Министерства торговли и промышленности. Его демонстративно покинули 10 профессоров и ассистентов, протестовавших против произвольного увольнения коллег – профессоров А.В. Нечаева, К.П. Шиндлера и С.П. Тимошенко (все они подозревались в «оппозиционном отношении к правительственной власти») ³⁶. Охранительной чистке подверглись и другие высшие учебные заведения.

Уязвимое правовое и профессиональное положение российских профессоров, естественно, затрудняло их педагогическую и научно-исследовательскую деятельность. При этом научная работа, выходявшая за рамки образовательного процесса, строго регламентированного министерскими программами, была для них необязательной, добровольной. В 1911 г. В.И. Вернадский констатировал, что «русские учёные совершают свою научную работу вопреки государственной организации»³⁷. Тем не менее к началу XX в. «исследовательские способности стали одним из важнейших критериев принадлежности к корпорации», а результаты научной деятельности – «непременным требованием, предъявляемым к университетскому человеку»³⁸.

В Российской империи честь быть профессором «оплачивалась» беспрецедентной учебной перегрузкой. Численность преподавательского состава высшей школы катастрофически отставала от динамики возрастания студенческого контингента³⁹. Царское правительство скупилось на создание новых кафедр. В начале XX в. большинство высших учебных заведений имело штаты, утверждённые ещё в 1880–1890-е гг. Многие из «профессорских стипендиатов», оставленных при университетах для приготовления к профессорскому

³² Страницы биографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 201.

³³ Там же. С. 76.

³⁴ Там же. С. 68.

³⁵ См.: *Иванов Ю.Ф.* Московский университет в 1911 г. // *Российские университеты в XVIII–XX веках.* Воронеж, 2002. С. 167–177.

³⁶ РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 235, л. 30 об.

³⁷ *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. С. 189.

³⁸ *Terra Universitatis.* Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 95.

³⁹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России... С. 207.

званию⁴⁰, не получали государственного содержания. В 1896 г. таковых было 28 из 91, в 1902 г. – менее половины из 218, в 1915 г. – 111 из 245⁴¹. «Научный труд для многих молодых талантливых учёных ныне превратился в научный аскетизм, – констатировал в 1902 г. профессор Демидовского юридического лица в Ярославле В.Г. Щеглов. – Посему и университетские кабинеты и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла. Многие способные учёные работники покидают ныне университет, находя себе на других практических поприщах лучшие обеспечение и жизнь. Посему и научные силы России и поныне всё ещё малочисленны по сравнению со странами Запада»⁴².

Хроническое недофинансирование «профессорских стипендиатов» затрудняло подготовку нового поколения учёных. В 1886–1899 гг. диплома магистра удостоилось 358 человек, в 1900–1913 гг. – 447⁴³. Такой темп пополнения «учёного сословия» был недостаточен для того, чтобы на должном уровне поддерживать процесс формирования состава докторов наук: если в 1886–1899 гг. в университетах было защищено 1 108 докторских диссертаций, то в 1900–1913 гг. – всего 754⁴⁴. В результате, в университетах постоянно возникали профессорские вакансии, заполнить которые было нечем. В 1900 г. таковых было 62, в 1913 – 123⁴⁵. При этом Россия, занимавшая передовые позиции в научных разработках в области промышленной химии, имела учёных-химиков в 15 раз меньше, чем США, в 8 раз меньше, чем Германия и Великобритания, в 2.5 раза меньше Франции⁴⁶.

В 1909 г. В.И. Вернадский писал о свершениях отечественной науки: «Две расы в последние 25 лет сделали огромный скачок в мировом научном производстве – англосаксонская и русская... То, что было создано русским обществом в литературе, музыке и искусстве, давно уже оценено и понято. Но до сих пор не оценена и не понята огромная творческая работа русских учёных, непрерывно блестяще развивающаяся в течение последнего полувека. А между тем по величине и культурному значению она может и должна быть поставлена наравне с другими всем ясными созданиями нашего национального гения»⁴⁷. Великий учёный имел в виду недооценку «русской научной деятельности», в первую очередь, в собственном отечестве. В мире к началу XX в. вполне осознавали и признавали заслуги российских исследователей, особенно в естествознании и технике, развивавшихся поверх национально-культурных границ и обусловленных ими научных традиций. «Если мы взглянем на цифры работ русских

⁴⁰ «Профессорские стипендиаты» были двух категорий – проходившие научную подготовку в России и командированные для подготовки магистерских диссертаций в европейские университеты. В 1900 г. первых было 184, а вторых – всего 19; в 1913 г. – соответственно – 465 и 33 (Иванов А.Е. Учёные степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 81). Для удовлетворения потребностей в преподавателях прикладных дисциплин «профессорские стипендиаты» имелись и в инженерных институтах.

⁴¹ Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 21.

⁴² Труды Высочайше учреждённой Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. VI. СПб., 1903. С. 132–133.

⁴³ Шаповалов В.А., Якушев А.Н. Историко-статистические материалы по университетам России о количестве лиц, утверждённых в учёных степенях и учёно-практических медицинских званиях (1794–1917 гг.). СПб., 1995. С. 148–203.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 208.

⁴⁶ Волобуев П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы естествознания и техники. М., 1987. № 3. С. 7.

⁴⁷ Вернадский В.И. Перед съездом // он же. Публицистические статьи. С. 176–177.

учёных, – продолжал Вернадский, – на количество русских имён, мелькающих в мировой хронике естествознания, мы увидим, как это количество неизменно растёт, как всё больше и быстрее мелькают родные русские имена в культурной летописи человечества»⁴⁸.

Основополагающая научно-исследовательская миссия учёного в высшей школе органично перетекала в собственно профессорскую – педагогическую, хотя для некоторых профессоров преподавание представлялось своего рода «учебной барщиной», которую они отбывали, по словам П.Н. Лебедева, дабы «только получить право проводить свои учёные работы, чтобы оплатить возможности прославить Россию своими открытиями»⁴⁹. Впрочем, многие коллеги Лебедева (и скорее всего, большинство), относились к педагогической работе как к своего рода научному проповедничеству. «Утончённый культуртрегер, умевший в каждый шаг силу чувства влагать», – вспоминал Андрей Белый (сын профессора математики Н.В. Бугаева) о К.А. Тимирязеве⁵⁰.

Профессура постоянно ощущала пристальное внимание своих слушателей. Многочисленные мемуары бывших студентов конца XIX – начала XX в. достоверно передают отношение учеников к учителям, выражавшееся в благодарности, восхищении, или, напротив, в неприязни. В начале XX в. в университетах студенты даже устраивали обструкции профессорам по политическим мотивам.

Преподавательская деятельность имела две ипостаси – официальную (чтение лекций и ведение практических занятий) и неофициальную (встречи со студентами в кружках или в домашней обстановке). Личное общение играло очень большую роль, не случайно мемуаристы всегда отмечали как профессиональные данные профессоров, так и их человеческие качества⁵¹. Особое значение, судя по мемуарам, придавалось лекторскому мастерству. На умении читать лекции строилась профессорская харизма. Сами профессора относились к ним, как правило, очень внимательно, тщательно готовились, стремясь донести до слушателей новейшие сведения о своей области знания. Необходимо учесть, что на рубеже XIX–XX вв. университеты ещё только приступали к публикации расширенного текста лекционных курсов. Отсутствие учебников предполагало чтение *полных* курсов (в отличие, например, от Германии, где при обилии литературы они читались фрагментами)⁵². Так, Н.И. Пирогов сетовал, что в России привыкли «к растянутому на два года или нескончаемым систематическим курсам, исполненным всевозможных взглядов, созерцаний и т.п.»⁵³. На полных курсах настаивало учебное ведомство, но к этому стремилась и профессура, пытавшаяся сочетать в лекции научную основательность и искусство изложения материала. Большинство профессоров не принимало академическую сухость и «геллертовское направление», отличавшие лекции профессоров-гуманитариев в германских университетах⁵⁴.

⁴⁸ Там же. С. 176.

⁴⁹ Лебедев П.Н. Собрание сочинений. М., 1963. С. 339.

⁵⁰ Белый А. На рубеже двух эпох. М., 1989. С. 432.

⁵¹ Никс Н.Н. Указ. соч. С. 94.

⁵² Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж, 1996. С. 13.

⁵³ Пирогов Н.И. По поводу занятий русских учёных за границей // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 12. С. 115, 117.

⁵⁴ Чесноков В.И. Указ. соч. С. 14.

Мемуары пестрят сведениями о профессорах, научно-педагогический дар которых был столь ярок и притягателен, что их аудитория всегда была наполнена не только «штатными» студентами, но и «посторонней» публикой с других факультетов. Учившийся в Московском университете во второй половине 1880-х гг. Б.А.Щетинин рассказывал о виртуозном лекторском мастерстве известного правоведа Н.А. Зверева: «По изяществу и красоте стиля каждая лекция этого талантливого профессора была настоящим *chef d'oeuvre*’ом. Что-то классическое, античное чувствовалось в красоте его речи, местами доходившей до высокого поэтического подъёма: она то разгоралась бурным пламенем, то звучала грустной и тихой мелодией, нежно лаская слух. В художественных характеристиках Н.А. Зверева каждый исторический образ, выхваченный им из глубины веков, вставал перед нами как дивное классическое изваяние, которым можно любоваться с восторгом. Все эти Анаксимандры и Пифагоры ярко запечатлевались в воображении, по мере того, как искусный лектор-художник уверенно и смело набрасывал их великолепные рисунки, и уже не скоро изглаживались из памяти»⁵⁵. «А.Н. Гиляров напоминал Сократа, – писал П.П. Блонский, окончивший Киевский университет. – Стоя у доски и несколько цедя сквозь зубы, он как бы вслух вдумывался в мысль излагаемого философа, с сократовской иронией относился к его противоречиям, односторонностям и прямым нелепостям. При этом он говорил просто, но прекрасным слогом, без лишних слов. Каждая его фраза на лекции, как и в книгах, была обдуманна и по содержанию, и по слогу»⁵⁶.

Живой легендой Московского университета был В.О. Ключевский. «Поистине гениальный профессор», – напишет о нём позднее А.А. Кизеветтер. По его словам, в Ключевском-лекторе органически сочетались «качества, которые студенты желали бы видеть в каждом из своих преподавателей»: «глубокий учёный, тонкий художник слова и вдохновенный лектор-артист»⁵⁷. Лекции Ключевского слушали не только историки и филологи, на них стремились побывать едва ли ни все студенты Московского университета. Ставший в 1901 г. студентом юридического факультета М. Вишняк вспоминал: «На лекцию его валом валили студенты всех факультетов. Задолго до начала огромная аудитория была заполнена до отказа. Теснились у стен и в проходах, устраивались на выступлениях окон и на ступеньках кафедры... Это была в сущности не лекция, не анализ того, что было в прошлом России, а репродукция прошлого в образах, в тщательно подобранной словесной ткани, в нарочитой интонации действующих исторических персонажей. Отдельная лекция конечно не могла дать знание. Но она вызывала не менее ценные эмоции художественного порядка»⁵⁸.

Такой же безграничной популярностью среди студентов всех без исключения факультетов пользовались лекции по анатомии и физиологии растений выдающегося биолога К.А. Тимирязева. Один из тогдашних слушателей – Андрей Белый – называл их «эстетическим шедевром»: «В Тимирязеве поражал меня великолепнейший нервно-ритмический зигзаг фразы, взлетающей, сопровождаемый тем же зигзагом руки и зигзагами голоса, рвущегося над бездной... Для

⁵⁵ Щетинин Б.А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 549.

⁵⁶ Блонский П.П. Мои воспоминания. М., 1971. С. 52.

⁵⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 47.

⁵⁸ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 52–53.

меня посещение его лекций было менее всего изучением физиологии тканей, а изучением жеста ритмического»⁵⁹.

Не всегда, однако, для того чтобы привлечь внимание студентов, надо было обладать совершенным ораторским искусством. «Тихое, спокойное, лишённое хлестких фраз выступление, иногда с выраженными дефектами речи (В.О. Ключевский, Ф.Е. Корш), зачастую оказывало на аудиторию более сильное воздействие, нежели исполненная пафоса речь»⁶⁰. Иногда красоту изложения затмевала красота логики. Как свидетельствовал Андрей Белый, «Мензбира было порой трудно слушать; он вёл нас крутою тропинкой фактов, не развлекаясь красками или анекдотами...; по окончании лекции всякий мог бы повторить её: так вылеплялась она умным ладом идеи с подобранным фактом»⁶¹.

Имела значение и репутация лектора как человека, собственной жизнью подтверждающего свои взгляды. На юридическом факультете Московского университета «множество посторонней публики» собиралось на лекции А.И. Чупрова (политическая экономия) и М.М. Ковалевского (государственное право) – эти профессора представляли собой уникальный пример жизненной самореализации и эмансипации интеллектуалов от власти. При этом медиков, филологов, математиков, естественников, «почтенного возраста вольнослушателей» в огромный актовый зал набивалось так много, что самим юристам приходилось спозаранку занимать удобные места в первых рядах и, чтобы не потерять их, в ожидании своих кумиров прослушивать все предшествовавшие лекции. И тот, и другой делали свой факультет популярнейшим у интеллигентной молодёжи Москвы (и это при том, что здесь работало целое созвездие профессоров-правоведов).

Чупров обладал всеми качествами, необходимыми для формального лидерства в профессорской среде, сочетая выдающиеся интеллектуальные способности с такими же свойствами души и сердца⁶². Слава Чупрова была огромна. «К нему прислушивались, как к какому-то оракулу...», – утверждал Б.А. Щетинин. – Блестящий оратор, всесторонне образованный, человек стойких и независимых убеждений, искренний, гуманный, прогрессист в лучшем смысле этого слова... Каждая лекция его будила мысль, вызывала оживлённые, горячие споры, иногда целые дебаты, и мы все чувствовали, как у нас пробуждался серьёзный интерес к науке»⁶³. Ковалевский отличался колоссальной научной эрудицией, «цитатами так и сыпал, то и дело уснащая свою речь разными меткими, великолепными метафорами и необыкновенно удачными сравнениями, ...неожиданно отвлекшись от своей темы, он делал экскурсию во власть современной русской действительности»⁶⁴.

Начиная с 1860-х гг. в российских университетах сложилась такая форма работы как «семинарий». На лекции лишь закладывались основы научного кругозора, она обращалась ко всем, находившимся в аудитории, и ни к кому в частности. Профессор истории средних веков Петербургского университета И.М. Гревс считал, что «кафедра часто отгораживает профессора стеной от его

⁵⁹ Белый А. Указ. соч. С. 431.

⁶⁰ Никс Н.Н. Указ. соч. С. 95.

⁶¹ Там же. С. 388.

⁶² Осенью 1899 г. Чупров прекратил преподавание и выехал за границу для лечения, откуда уже при жизни не вернулся.

⁶³ Щетинин Б.А. Указ. соч. С. 538–541.

⁶⁴ Там же.

слушателей»⁶⁵. Этот объективный методический «порок» лекций компенсировался специальными занятиями профессора с тем меньшинством студентов, у которых проблематика его курса вызвала особый интерес, возможно, в будущем профессиональный. Именно в семинаре между студентом и профессором складывались отношения ученика и учителя (научного наставника), нередко неформальные.

Как жанр преподавания семинар имел своих классиков. Как руководитель семинарских занятий Ключевский, например, значительно уступал другим профессорам (в частности, В.И. Герье, который первым обратился к этой форме занятий со студентами)⁶⁶. «Истинной школой исследовательской работы», где студенты «учились тому, как стать учёным», были семинары 1880–1890-х гг. профессора историко-филологического факультета Московского университета П.Г. Виноградова. «Ни Ключевский, ни Герье не шли вровень с ним в этом отношении», – утверждал А.А. Кизеветтер⁶⁷. «Они давали для самостоятельной работы в области истории подготовку и выправку, – вспоминал про виноградовские “семинарии” М.М. Богословский. – Они приучали общаться с источниками и пользоваться ими; они научили и приёмам критики, и приёмам конструкции на основании памятников. Эти навыки приобретались и путём упражнения при постоянной работе в семинарии, но может быть, главным образом здесь действовал пример учителя. Наблюдая его за той серьёзной и вдумчивой работой над историческими памятниками, которую он в нашем присутствии проделывал в семинарии, мы, может быть, бессознательно усваивали или старались усвоить те же методы и приёмы»⁶⁸. Здесь царствовала абсолютная воля для научных суждений, вспоминал мемуарист, «поэтому мы высказывали свои мнения смело и свободно и столь же смело вступали в спор с профессором»⁶⁹. Из «виноградовских семинаристов» сформировалась целая школа сплочённых общими научными интересами специалистов, которые и после окончания университета оставались желанными гостями для своего учителя. У него дома они встречались со старшими коллегами, участвовали в научных собраниях «более высокого типа»⁷⁰.

Точно так же в компактную группу (8–10 человек), образовавшую кружок, который не распался и после окончания университета, сплотились в 1910-е гг. участники семинария профессора-петербуржца И.М. Гревса. «Темы семинариев Ивана Михайловича отличались той особенностью, что над ними работали по нескольку лет, – свидетельствовал Н.П. Анциферов, непреременный участник семинара и член кружка профессора Гревса. – Так, мы изучали трактат Данте “De Monarchia”, направленный против светской власти пап, привлекая все сочинения Данте, и комментарий к трактату превращался в большие самостоятельные исследования... Сближению с Иваном Михайловичем содействовало то, что мы занимались у него на дому, и, свободные от звонков, возвещавших о конце занятий, засиживались порой до позднего часа»⁷¹.

Для студентов семинарские занятия были не только научно-исследовательской школой, но и окном в мир профессуры. Для профессора же они были

⁶⁵ Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 171.

⁶⁶ Никс Н.Н. Указ. соч. С. 103.

⁶⁷ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 81.

⁶⁸ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 81.

⁶⁹ Там же. С. 77.

⁷⁰ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 60.

⁷¹ Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 171.

окном в мир учащихся. Здесь вызревал «дух научного товарищества между старшими и младшими»⁷². Православный богослов, философ и литературовед Н.С. Арсеньев, вспоминая о студенческих годах в Московском университете (1906–1910), чрезвычайно высоко оценил роль семинарских занятий в своём научном становлении. Некоторые семинары, по его свидетельству, превращались в поле «борьбы против исполина-марксизма»: на них «разгоралась дискуссия о правде духа, в противоположность упрощённо-позитивистическому, дешёво-материалистическому толкованию явлений культурной жизни; и как волнительно и радостно было в ней участвовать!»⁷³.

Некоторые профессора умели вносить в общение со студентами нотки приватности, были склонны «впускать» студентов в свой домашний мир. Например, заседания «семинария» П.Г. Виноградова нередко проходили у него на квартире; он «охотно» и во всякое время принимал студентов у себя дома, «любезно» позволял им пользоваться своей библиотекой. Профессор А.А. Остроумов, вообще имевший довольно замкнутый характер, «обладал замечательными способностями учителя-друга, объединявшего вокруг себя учеников»⁷⁴. Одним из способов общения с ними были ежевечерние встречи в помещении лаборатории, где читались книжные новинки, рефераты и т.п. Профессор-химик М.И. Коновалов каждую субботу собирал у себя дома молодых учёных и студентов, и эти субботние вечера были для многих «и школой науки, и школой жизни, и школой лучшего отдыха»⁷⁵.

С 1890-х гг. российские профессора начинают практиковать «дальние экскурсии» по России и зарубежным странам. У истоков экскурсионного метода преподавания стояли профессора Петербургского университета историк С.Ф. Платонов и филолог И.А. Шляпкин, читавший курс истории русской литературы. Они совместно осуществили первые опыты научно-исторических поездок в Новгород, Псков, Нарву и Москву со слушательницами Петербургских высших женских курсов, где также преподавали. Примечателен сам факт, что первыми учебными экскурсантами были женщины-слушательницы негосударственного высшего учебного заведения, а не студенты императорского университета – основного места педагогической деятельности обоих профессоров. Будучи приватным профессором Петербургского женского педагогического института, Платонов и там прибегал к экскурсионному методу.

В начале XX в. научно-практические экскурсии по России постепенно стали рутинным элементом учебного процесса не только в университетах, но и в инженерно-промышленных и аграрных институтах. Организация ознакомительных посещений студентами в научно-практических целях промышленных объектов других городов и местностей прочно вошла в их учебные планы. Значительно реже совершались заграничные студенческие экскурсии. Они были дорогостоящими для их участников и чрезвычайно сложными в организационно-хозяйственном отношении. Поездки эти становились событиями, привлекая внимание академической общественности и столичной прессы. Их история началась в 1903 г. с экскурсии в Грецию членов «Историко-филологического общества при Московском университете», возглавляемого профессором филологии кн. С.Н. Трубецким. Всего в ней участвовало 139 человек. В основном

⁷² Там же. С. 56.

⁷³ Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 48.

⁷⁴ Гукасян А.Г. А.А. Остроумов и его клинично-теоретические взгляды. М., 1952. С. 22.

⁷⁵ Памяти М.И. Коновалова. М., 1908. С. 14.

это были студенты (в том числе 45 с историко-филологического факультета). Многолюдная разношёрстная компания объединяла «самые разные элементы русской университетской молодёжи», поэтому путешествие, несмотря на заявленные сугубо научные цели, объективно приобрело чисто просветительскую направленность, правда, высокого научно-популярного уровня⁷⁶. Общее руководство экскурсией осуществлял кн. Трубецкой, а её научное содержание обеспечивали профессор Московского университета эллинист А.В. Никитский, профессор греческого искусства, археолог из Юрьевского университета В.К. Мальберг, секретарь Русского археологического института в Константинополе Р.Х. Лепер. Сверх того, экскурсанты прослушали лекции немецкого археолога В. Дерпфельда о раскопках Трои и главного директора всех музеев Греции о храме Олимпии⁷⁷.

Сохранилась также память об экскурсиях 1907 и 1912 гг. в Италию, организованных профессором всеобщей истории Петербургского университета И.М. Гревсом, который признавал «завидное просветительское благо» выездных занятий со студентами. Однако, устраивая итальянские путешествия, он видел в них не просто познавательные экскурсии, а экспедиции строго научного свойства, предназначенные исключительно для участников его «семинария» по истории средневековой Италии в университете и на Высших женских курсах. Экскурсии и готовились как экспедиции. В помощь себе Гревс каждый раз приглашал известных специалистов по итальянскому средневековью: искусствоведов – профессора А.Н. Айналова и приват-доцента М.А. Поликтова, своих ближайших учеников – знатока документов Ватиканского архива культуры эпохи Возрождения В.А. Голованя, специалиста по раннехристианскому и византийскому искусству А.И. Анисимова, историка-урбаниста средневековой Италии Н.П. Оттокара. В путешествие бралась даже научно-справочная библиотека. Тщательно продуманы были экскурсионные маршруты и способы передвижения (пеший ход, в экипажах, по железной дороге), заблаговременно заказаны гостиницы, установлен распорядок каждого дня, scrupulously соблюдались принципы самоуправления и этики экскурсионного коллектива.

Относительно немногочисленным гревсовским «семинаристам» и количественно преобладавшим над ними «семинаркам» предоставлялась редкая возможность (кстати, за весьма высокую плату в 250 руб. с каждого экскурсанта) «изучать те же культурные явления, с которыми ознакомление происходило раньше по письменным текстам, переданным от далёкого прошлого, за книгой у библиотечного стола, в стране, далёкой от их родины, – изучать их теперь по вещественным следам, переместившись на ту самую почву, где слагались творившие их процессы»⁷⁸. Эккурсантов отличали безукоризненная научно-исследовательская мотивация и воспринятая ими от учителя нацеленность на «правильный и напряжённый, высоко ответственный труд, оправдывающий предприятие»⁷⁹. Имея в виду и их, своих спутников 1907 и 1912 гг., профессор И.М. Гревс, в 1925 г. возглавлявший Экскурсионный институт в Ленинграде, писал: «Экскурсия даёт почву для многообразнейшего воспитания индивиду-

⁷⁶ Анисимов А. Экскурсия студенческого общества в Грецию. М., 1904. С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 5. См. также: Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого. М., 2005.

⁷⁸ Гревс И.М. К теории и практике «Экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 12–13.

⁷⁹ Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1880–1941). СПб., 2004. С. 264.

альности отдельных участников... Охватывающая всех в атмосфере экскурсии радость открытия окружает “экскурсирующий организм” живительной струей чистой и альтруистической духовности. Всё это – черты, вызываемые “психологией путешественности”⁸⁰.

Педагогически органичной формой внеучебного общения профессоров со студентами в начале XX в. стали научные кружки. Они объединяли далеко не всех учащихся, а наиболее даровитых, любознательных и пытливых, открывая им кратчайший путь к непосредственному сотрудничеству с теми из наставников, предмет преподавания, лекции, семинары которых представлялись им наиболее близкими и увлекающими. Для профессоров кружковая работа со студентами нередко обретала не только просветительско-педагогический, но и научно-исследовательский смысл. Так, «Кружок философии права при Петербургском университете» был необходим для его руководителя – профессора Л.И. Петражицкого как место коллегиального и «деятельного обмена мыслей, самостоятельной разработки поставленных проблем»⁸¹. Научных единомышленников профессор Петражицкий искал исключительно среди учащейся молодёжи – студентов Петербургского университета и оставленных при нём «профессорских стипендиатов». Его кружок был полноценным научно-исследовательским коллективом – центром воспитания учёных-правоведов новой формации. С 1900 по 1910 г. из 121 кружковца 18 человек (15%) были оставлены при университете для подготовки к профессорскому званию⁸². В руководимом профессором Н.Е. Жуковским «Воздухоплавательном кружке» при Московском техническом училище кружковцам предоставлялась возможность не только подниматься в воздух на летательных аппаратах, но и углублённо заниматься теоретическими и прикладными проблемами воздухоплавания в специальной лаборатории, созданной стараниями Николая Егоровича⁸³.

Студенческие научные общества и кружки, будучи относительно автономной по отношению к учебному процессу школой самостоятельной исследовательской деятельности, существенно расширяли пределы творческого и идейного влияния профессуры на учащихся. В этом же ряду следует рассматривать движение «народных университетов» («за расширение университетов»), появившееся в начале XX в. и опиравшееся на западноевропейский опыт. Движение было вызвано статьёй П.Н. Милюкова, с 1906 г. его возглавил социолог профессор Д.А. Дриль, активно поддерживал профессор В.М. Бехтерев и др.

Но помимо просветительского и научно-исследовательского значения кружки, как и добровольные научные общества, имели ещё одну ценность: они составляли то публичное пространство, которое возникало между индивидом и государством, играя важную роль в развитии независимой гражданской жизни. Неразличение частного и публичного, общественного и государственного некоторые исследователи вообще считают характерными исторически сложившимися чертами русского общества, в принципе не знающего подобных «чётких границ»⁸⁴.

⁸⁰ Гревс И.М. Природа «экскурсионности» и главные типы экскурсий в культуру // Экскурсии в культуру. Методический сборник. М., 1925. С. 26.

⁸¹ ГА РФ, ф. 63, 1909/1910, д. 26, т. III, ч. II, л. 1.

⁸² Там же, л. 27.

⁸³ Прокофьев В.И. Московское высшее техническое училище. 125 лет. М, 1955. С. 104.

⁸⁴ Wirtschafter E.K. Social Identity in Imperial Russia. DeCalb, Ill., 1997. P. 97–99.

Создателями новых форм гражданской жизни нередко выступали учёные, профессора, представлявшие активный элемент академической корпорации. Таких активных, желающих влиять на социальную действительность, сочетая интересы личности с общественными нуждами, индивидуализм с действиями на благо общества, среди них было немало. Так, большинство профессоров, занимавшихся предпринимательством, стремились не только к собственному обогащению, но и к использованию нового знания в интересах всего общества. Свой личный успех практически все они связывали с возможностью изменить культурную ситуацию в стране. И.И. Янжул, талантливый учёный, авторитетный профессор и обеспеченный человек, добровольно принял участие в создании фабрично-заводской инспекции. Эту тяжёлую и скупко оплачиваемую обязанность он выполнял из «идейных» соображений, желая сделать отношения предпринимателей и работников более цивилизованными. «Наши промышленники, – отмечал Иван Иванович, – искони привыкли к неисполнению всяких законов, регулирующих их действия. Всякое выполнение нового закона для них всегда имело лишь одно значение: надо ли платить и сколько?! В лице же фабричного инспектора вдруг явился пред очами промышленников совсем особенный начальник, не похожий ни на полицию, ни на губернских техников: денег ни под каким предлогом не берёт, угощений не принимает»⁸⁵. А.И. Чупров, используя статистические материалы, исследовал экономическую эффективность профессионального обучения и грамотности, а также их влияние на производительность труда⁸⁶.

«Капиталист» профессор И.Х. Озеров способствовал становлению в России европейской банковской системы, акционерных обществ, рынка акций, внедрению иностранных инвестиций. Но одновременно он «искал более справедливые социально-организованные формы производства», надеясь, что кооперация станет противовесом монополии, позволит изменить правовой строй, оздоровить бюджет и снять неизбежно растущую социальную напряжённость⁸⁷. В 1911 г. он завещал все свои капиталы на экономическое образование населения. «Я как сын трудового народа хотел быть полезным, – писал он, – и, воспитываясь на средства народа, взобравшись вверх через его плечи, я хотел быть полезным распространением знаний среди него и пробуждением в нём энергии и творчества в экономической жизни»⁸⁸.

К рубежу веков профессура, пожалуй, перехватывает у купечества инициативу в деле благотворительности на почве науки и образования: немало профессоров учреждало стипендии и устанавливало премии своего имени за решение важных научных проблем.

Филолог и археолог профессор И.В. Цветаев, являясь заведующим кабинетом изящных искусств и древностей при Московском университете, с начала 1890-х гг. вынашивал мысль о превращении кабинета в публичный городской музей. Обращаясь к московским властям и особам Императорской фамилии, привлекая частные пожертвования и консультируясь с крупнейшими отечественными и европейскими учёными и специалистами по устройству музеев, закупая редкие оригиналы и заказывая изготовление качественных копий, он

⁸⁵ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 228.

⁸⁶ Цвайнерт Й. История экономической мысли в России 1805–1905. М., 2008.

⁸⁷ Ефимов Е. Счастливая горькая жизнь Ивана Озерова // Босс. 2008. № 3.

⁸⁸ Там же.

при содействии небольшой группы сподвижников добился поставленной цели. Открывшийся в 1912 г. Музей изящных искусств имени Александра III был первым в России музеем с систематической научной экспозицией, отражающей главные этапы развития искусства древних цивилизаций, а также христианского искусства Средних веков и эпохи Возрождения.

В судьбах лучших из российских профессоров воплощались «вечные» традиционные ценности академической культуры: рациональность (подкреплённая эмоционально-образным восприятием действительности, характерным для русской культурной традиции), демократичность (предполагающая, что знание должно становиться общим достоянием), бескорыстие (невозможность использовать свои открытия для личной выгоды). Обобщённый портрет профессора могли бы дополнить такие свойственные человеку науки черты, как толерантность и уважение к чужому мнению. Эти качества были тесно связаны с культивированием гражданского долга, формированием независимой личности и развитием профессионализма⁸⁹.

Специфика научного знания, сходные условия научно-педагогического труда, более или менее равные возможности академической карьеры превращали профессоров и преподавателей в фактически бессловную профессионально-корпоративную группу интеллектуалов со своей субкультурой. «Групповое сознание», однако, не лишало их свободы в выборе жизненных путей и потому отнюдь не предreshало их поступки. Во всяком случае, в начале XX в. (в особенности после 1905 г.) возможности выбора сфер деятельности и стратегий поведения у профессоров российских университетов значительно расширились, и профессура была готова внести свою лепту в радикальное переустройство страны.

⁸⁹ Подробнее см.: Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России

Игорь Зубков

В начале XX века требования введения всеобщего обучения раздавались буквально отовсюду. Чаще всего они исходили от земских собраний и городских дум, которые нередко приходили к выводу о невозможности осуществить те или иные намеченные меры «ввиду крайнего невежества большинства населения», они не смолкали в педагогической печати, с ними обращались к правительству самые разнообразные съезды, позднее они вошли в программы практически всех политических партий. Во всеобщей грамотности видели тогда необходимое условие для достижения страной лидирующих позиций в мировой экономике, а также панацею от многих застарелых общественных недугов. С просьбой о введении всеобщего обучения выступали даже присяжные заседатели, убеждавшиеся на судебных заседаниях, что «народная темнота»